Автор: Субъектив
21.10.2020 14:00

Литературные обозреватели портала на "Кубке Мира по русской поэзии - 2020" Петра (Татьяна) Калугина (П.К.) и Юлия Малыгина (Ю.М.) о конкурсных произведениях с 121 по 140.

Встреча седьмая

О конкурсных произведениях с 121 по 140

ЮМ:

Хотела бы продолжить тему, которую так часто обсуждаю в последнее время с тобой, Таня: позиция автора по отношению к тексту и миру и следы этой позиции в тексте стихотворения.

Создаётся впечатление, что самоизоляция привела к тому, что мир стал восприниматься как будто немножко пустым (хотя, может, всё к тому шло давно) и в нём не остаётся как будто места ни для кого, кроме «я».

Эту позицию можно оправдывать, но совершенно не хочется, ведь в этом мире есть и другой. Но почему этот другой не может быть читателем?

Нет, это не тот химерический читатель, которого использовала цензура в своих манипуляциях, и не тот химерический читатель, которого представляют в качестве недалёкого некоего существа, способного читать только любовные романы в мягкой обложке. Это тот, кто способен взаимодействовать со стихотворениями.

И вот как будто очень не хватает образа того, кто способен взаимодействовать со стихотворениями.

На конкурсе, видимо, это тот, кто входит в жюри. Но что происходит вне конкурсного механизма?

И как выбрать золотую середину между принципиальным нелюбопытством, максимальной сосредоточенностью на своём тексте и постоянной оглядкой на размытые контуры другого, которого нужно ни жестом, ни словом, ни строкой не зацепить? Как выбрать между этими двумя краями?

Есть радикальное мнение, что текст читает сам себя и всё текст, есть радикальное мнение, что текст читает усреднённый и не сильно продвинутый читатель, и мнений таких много. Мнений огромное количество, но иногда кажется, что всем так не достаёт провиденциального читателя, как « провиденциального собеседника ».

Таня, как часто ты при написании текста думаешь о том, как он будет воспринят? И нужно ли думать об этом сейчас, в 2020 году?

ПК:

Юля, прежде всего позволь поблагодарить тебя за чудесную мандельштамовскую статью по ссылке. Она так мне понравилась, что я скопировала себе несколько цитат. И, считаю, они здесь просто необходимы — как пазлики в нашем разговоре о «собеседнике» в поэзии.

Итак, Осип Мандельштам, 1913.

«Поэзия есть сознание своей правоты. Горе тому, кто утратил это сознание. Он явно потерял точку опоры».

«Воздух стиха есть н е о ж и д а н н о е. Обращаясь к известному, мы можем сказать только известное. Это — властный, неколебимый психологический закон. Нельзя достаточно сильно подчеркнуть его значение для поэзии».

О дистанции между поэтом и собеседником:

«Да, когда я говорю с кем-нибудь,— я не знаю того, с кем я говорю, и не желаю, не могу желать его знать. Нет лирики без диалога. А единственное, что толкает нас в объятия собеседника,— это желание удивиться своим собственным словам, плениться их новизной и неожиданностью.

Не об акустике следует заботиться: она придет сама. Скорее о расстоянии. Скучно перешептываться с соседом. Бесконечно нудно буравить собственную душу. Но обменяться сигналами с Марсом — задача, достойная лирики, уважающей собеседника и сознающей свою беспричинную правоту. Эти два превосходных качества поэзии тесно

связаны с "огромного размера дистанцией", какая предполагается между нами и неизвестным другом — собеседником».

По поводу осознания беспричинной правоты я согласна, но еще добавила бы, что это первый признак «провиденциального собеседника»: он разделяет нашу поэтическую «беспричинную правоту». Это и есть его согласие на беседу. Александр Спарбер — хороший поэт, отличный поэт, как поэт он прав в моих глазах. Полина Орынянская права, и с ее поэзией я «беседую». В чем конкретно он прав и она права — об этом можно говорить бесконечно, развернув обширную доказательную базу из своих вкусов и прочтений, но, как бы я ни изощрялась в аргументации, их правота будет для меня — в первую очередь — «беспричинной».
Как смех без видимого повода, о котором пословица говорит, что он «признак дурачины», а на самом деле он признак счастья.
Теперь к твоему вопросу. Думаю ли я при написании текста, как он будет воспринят. Думаю, что не думаю. Разве что где-то с краю сознания, на границе с областью безотчётного. Меня, например, волнует, как я этот текст вывешу на фейсбуке и что о нем подумает тот-то и тот-то человек. У меня в друзьях на фб много крутых поэтов, и предъявить им текст, по поводу которого я не испытываю «беспричинной правоты», я не всегда могу решиться. Видимо, это уже комплекс.
Но об этом я думаю не в процессе написания текста, а когда стих уже готов.
Пока пишу, о «собеседнике» я не помню. Вообще. Даже о самом крутом и значимом для меня поэте на фейсбуке) Может, в том и удовольствие: уйдя в стих с головой, получаешь короткую, но какую-то глобальную передышку от себя, от всего что ты есть, что хочешь, о чем помнишь... от своей поэзии в том числе, как ни странно. И к этому «выпадению в космос» всегда стремишься, сначала пытаясь сделать его регулярным и управляемым, а потом уже просто радуясь, когда «само».
Вот такой получился внезапный пост откровения, каминг-аут.

Конкурсное произведение 121. "Облачный дракон"

ЮМ:

Уже с первой строфы улетела я далеко от текста, в воспоминания детства, когда мы с подружкой в песочнице играли в магазин. И сразу вспомнилось, как меня тогда удивляло, почему папка для букв тоже называется «магазин» или она называлась «касса»? Удивления быстро забываются, если не переходят в другую реальность.

Но вернёмся к нашему тексту, а в тексте нас ждут «зелёные ... денежки», и они здесь настолько чудно́ смотрятся, что совершенно не перекрывают первой ассоциации к зелёным денежкам в виде долларов, а второй — листьев, но тогда придётся вернуться в детство и в магазин там же, а задача стоит — держаться текста.

И чем дольше я держусь текста, тем больше мне не нравится, что-то протестует во мне и против «денежек», и против «дракона» — то ли потому что я конченый почвенник, то ли потому что здесь и впрямь пошло что-то не так.

Если мы вводим близкие современному человеку «денежки», «дракона», и «модниц», то какие в этом контексте проявляются первые смыслы у слова «смертницей»? Погуглите слово, просто вбейте в поисковую систему и поймёте, о чём говорю.

А вот чтобы получилось так, что литовка приносит смерть траве — это ещё попробуй скажи ... но — а зачем говорить?

Таня, зачем это говорить, как думаешь?

ПК:

Ну, литовка-смертница это вообще неточность, даже без оглядки на современный контекст. Смертник — тот, кто к смерти приговорён, а не тот, кто приносит смерть. Если уж кого и называть здесь «смертницей», то траву, которую косит коса-литовка. А сама литовка здесь «смертушка», «смертоносица», «смертица», «смертесса», да хоть «смертунья».
Здесь это легко исправимо, тем более что и на рифме никак не завязано. Сметницей/ летники — не рифма, не жалко и заменить.

А вообще с этим текстом всё не так просто.
Он удивительный. С одной стороны — абсолютно не проходной, со слишком уж странной, озадачивающей образностью, с рифмами, которые не всегда и рифмами назовешь, с дичайшей эклектикой (китайский дракон, индуистский раху, древнерусский ярило, вакханалии «голых девок» — и хороводы красных дЕвиц в сарафанах-летниках, да плюс ко всему еще этот старомодно-мещанский «папенька», выскочивший в финале как из кустов).

С другой стороны — текст (для меня) страшно притягательный, его хочется разглядывать, как психодельно-фантазийный орнамент с изображением многослойных обрядовых плясок-хороводов, где круги неуловимо смешиваются, просачиваются друг в друга, внутренний становится внешним, внешний подбирается внутрь... Карнавальный китайский дракон распадается на человеко-сегменты, и каждый такой «сегмент», подхватив под локоток «голую девку» /матиссову танцовщицу/, кружит с ней в паре под задорную кадриль.

/взаимопроникновение культур? Россия & Китай forever? плюс щепотка Старой Европы.../

А в сверху, над всем этим великолепием, картинка дублируется силами и средствами природы:

вот рисунок неба: в ярило метит зуб
чудища раздробленного

И вот тоже «средствами природы», но внизу, в одной плоскости с «девками»:

сено – в копны. сено – в стога. из сена – круг
хороводниц-кукольниц, облачённых в летники.

Девки, облака и стога сена — вот, собственно, и все «хороводники» в стихе. Голосящий мальчик да бабы-замужницы не в счет, они с краю, они выполняют другую функцию в этом «красивом старинном обычае-ритуале».

Написала про обычай-ритуал и решила глянуть в гугле — а вдруг? И вот что нашлось:

«У древних славян понятия «праздник» и «секс» тесно переплетались. Например, во время посевной поры принято было заниматься любовью прямо на поле. Молодые люди со всей отдачей занимались этим во имя хорошего урожая.
Языческое верование имело такой термин как «заключение брака между работником и землей», для этого парни и мужчины засевали поля в раздетом виде. Девушки также делились силой деторождения с землей, бегая голыми по полям.»

Если во время посева «раздевались» и «бегали голыми», то и во время жатвы, сбора урожая, заготовки сена — почему бы не?

Дарю тексту розу — за его необычный, на «исконно-посконном» календарно-посевном-обрядовом материале выросший психоделльный экзотизм, похожий на диковинный тропический цветок, украшающий стог сена. Алоха, добры-молодцы! Ни хао, красны-девицы! Автор — вы одарённый хореограф и улётнейший фантазер!

Вопрос от Доктора:

Песнь учинена специально для очередного фестиваля «реконструкторов»? Чтоб блестела, аки настоящий клинок, но ущерба не наносила?

Конкурсное произведение 122. "Без названия"

ПК:

Текст отчаянно хорош и стремителен — но где-то до середины. Потом красивый «лирический галоп» переходит в заунывноватую трусцу, минуя стадию рыси. Вроде и темп тот же, и метр не изменился, но вот ощущения движения, полёта, если хотите, уже нет.

Где-то со слов «изгой, изгнанник, идиот» эмоциональная связь с текстом теряется, провисает. Тавтологичный изгой-изгнанник открывает собой условно вторую часть текста, которая слабее первой и увязает в топях общепоэтического.

Созвучий девственных разлив
И откровений бред,
И бесполезность долгих дней,

Автор: Субъектив
21.10.2020 14:00

Сознание тщеты

Мне кажется, над этой второй частью еще нужно работать.
Над концовкой тоже, точнее над последними двумя строчками.

Готовая отдать -
Что там рубаху — душу всю -
За блик, мираж, фантом,
За спазм, за несплетенье рук,
За всхлип, в гортани ком...

Отдать душу за спазм, за всхлип — это какое-то слишком уж экзальтированное заявление, оно не идет на пользу тому яркому, глубокому, с флёром печали и трагедийности, женскому образу, который рисует нам автор (в первой части стиха).

ЮМ:

А мне как раз нравится и печаль, и некоторая трагедийность, и даже чересчурность, которая так только выглядит.

На Кубке много стилизаций, но большинство из них направлены на травестирование, на все варианты шутки. А здесь — как-то всё всерьёз.

Это стихи не от лица сухого наблюдателя, но от лица любящего субъекта. Здесь не присутствует речь от «я» или «мне», но тем не менее можно дорисовать, достроить себе того, кто говорит: «ты стала лучше, чище всех — / и оттого грубей». И всё очень круто держится, происходит, пока стихотворение не подходит к финалу.

// Всё-таки стоит как-нибудь подумать над тем, как может заканчиваться современное стихотворение и как обходиться с пафосом. //

Здесь пафос (как единое устремление субъекта) сводится к тому, что та, на кого направлена речь, готова пожертвовать душой — «за блик, мираж, фантом, / за спазм, за несплетенье рук, / за всхлип, в гортани ком ...», а ведь чуть раньше она уже была «заложником пустоты». Но разве пустота не предполагает цели достижения пустоты? И чем дольше размышляю над этой строкой, тем больше она меня смущает. В результате финал обужает текст, у которого очень высокая потенция.

Пожалуй, мне неблизок пафос финала, несмотря на то что стихотворение производит очень приятное общее впечатление.

И раз производит впечатление, то и мой малый восторг ему — !

Вопрос от Доктора:

Как вы относитесь к стихам без содержания?

ЮМ:

Доктор, содержание стихотворения — это отдельная большая тема. Если коротко, то единства формы и содержания никто не отменял, только почему-то содержание стало выпускаться из вида, мол, да что хочешь танцуй, только не раздражай.

Тем не менее, у этого стихотворения есть содержание.

Конкурсное произведение 123. "Из гнёздышка из близкого тепла"

ЮМ:

Очень тревожит этот текст, напоминая скорее американские горки, чем плотное полотно.

в чужую ночь и всё
пиши пропало
горит герань торжественно и ало
с той стороны оконного стекла
и не расслышать как идёт зима

и тут же

жизнь есть сон

и возникает сомнение, что это цельное произведение. Как будто ему мешает развиваться внешняя логика «в чужую ночь и всё», а дальше как будто «ну что всё-то?», «а, ну пиши пропало». Вот так как будто, как будто текст сидит на двух стульях. Таня собирает Львов Толстых, я буду собирать чужие ночи) Третья уже, что-то эдакое, видимо, происходит в мире.

И, для наращивания контекста, процитирую прекрасное стихотворение Евгении Ульянкиной:

после пыльного, неживого
всё что дышит – наперечёт
вот цветок выдыхает воздух
а мне сколько вдыхать ещё
если вывернуть наизнанку
совершенная нагота
робот вертер умеет плакать
тоже роботом что ли стать

пыль положенное возьмёт
отпоёт укроет

Автор: Субъектив
21.10.2020 14:00

посчитай меня как живое
то что дышит и слёзы льёт

[Евгения Ульянкина, из книги «Как живое», Воймега, 2020]

Таня, мне и нравится стихотворение 123 и не нравится и даже хочется «почистить текст», пусть бы и я ставила себе каждый раз запрет на это. А как тебе? Может сверим, какие строки кажутся лишними? Или тебе всё-всё легло?

ПК:

Интересный триптих, и самое интересное в нем — необязательность смыслов, их «задвинутость» и оттеснённость музыкой речи. Первый стих — сущая бормоталка, слова которой намотаны на основу магической заклички из «Сивки-бурки». Смысла как такового там нет: встань передо мной, вытянись в струну — но я уже ушла. Не перед кем в струну вытягиваться. Да оно и не нужно.

Нет, конечно, при желании можно было бы натянуть любые доступные смыслы на колки этих слов, но текст совсем не предлагает этого делать: напротив, он зовет отключить голову, отдаться его бормотально-ворожейному ритму и позволить смыслу не быть.

Второй стих, напротив, резко возвращает смыслы и на максимум выводит образность: выпорх птицы, алая герань, идет зима, бабочка между рам, снег как пёс бросается в лицо... Есть еще колокольчик и попугайчик, но я умышленно решила проигнорировать их в этом ряду, потому что — лишние /это, Юля, к твоему вопросу о том, какие строки здесь кажутся мне лишними: вот эти и кажутся/.

Третий стих — своеобразный синтез, приведение первой и второй частей к некой гармонии, к самому естественному и «наполненному», что ли, состоянию речи. Когда равноценны звук и смысл.

Мне понравилось это наглядное «выведение формулы» (пусть автор и не задумывал его как таковое, а если задумывал — то еще лучше).

Две розы.

Вопрос от Доктора:

Кажется — автор не водит автомобиль? Иначе — он бы седалищным нервом чувствовал, что дорога имеющая профиль стиральной доски — не имеет права называться дорогой, лишь — направлением.

Конкурсное произведение 124. "Когда я стану перечитывать..."

ПК:

Стихотворение просто взывает о доработке. «Себя то повергая в сожаления,/ А то от радости сжимая горло», «Слезами изойдя, солёной кровью» — подобные пассажи обнуляют все усилия автора написать «серьёзный» текст.

ЮМ:

Таня, соглашусь с тобой. А с другой стороны — нужна ли доработка возвышенному альбомному письму? Я бы одну вещь всего совершенно точно исправила — снизила бы букву у «его». Нет у Него ни непонятных, ни странных, ни уж тем более острых и злых, как кинжалы, слов.

Вопрос от Доктора:

Подобная лирика — должна ли поверяться романсом? Если, конечно, найдутся композитор и исполнитель, способные на такой беспримерный подвиг. Или так сойдет?

Конкурсное произведение 125. "Мне обитать в тебе..."

ЮМ:

Удивительно, но с переусложнёнными текстами очень легко разговаривать — ищешь слова, на которых натянута ткань стиха и обнаруживаешь, что их два-три, как по Блоку. Я про это: «Всякое стихотворение — покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звезды. Из-за них существует стихотворение.»

Здесь, как путеводная звезда — «мне». Я попробовала собрать все строки, относящиеся к этой звезде:

я призрак бездомной кошки
мне обитать в тебе
мне приходить по клавишам
мне признавать хозяина
мне никогда не больно

И сразу становится понятно, что перед нами текст-манифест, текст, стремящийся убедить, текст, стремящийся направить.

Остальные звёзды этого стихотворения, это —

из пустоты рояля
тело тоски вытягивать
кошку приучишь ты
время
смотрит в твою усталость
изображая голод

кошка нужнее слепому ...
поводырём с вокзала
сопровождать твой день

Это текст эпохи трансгуманизма, в этом мире нет никого, есть только «я», его ощущения и «пустота», «тоска», «время», «голод». Поскольку «кошка» — это что-то вроде души (вот уже второй раз на этом Кубке), то мне видится, что этот «голод» — не тот голод, за борьбу с которым вручили Нобелевскую премию мира, а «духовный голод». Увы, это не «духовной жаждою томим», но современное развитие темы.

Допускаю, что этому мироощущению близки стихи Алины Витухновской, процитирую стихи из её книги «Чёрная икона русской литературы»

Ноль

Ноль,
Вычерпавший
Нутро себя.

Луна скользит, как краб.

Нежен раб оливковый,
Фруктами кормимый.
Ничтожество его
Люблю любить.
Я —
Ноль,
Вычерпавший
Нутро себя.

[Алина Витухновская, из книги «Чёрная икона русской литературы», АСТ, 2015]

ПК:

Вижу, Юля, этот стих про кошку понравился нам с тобой одинаково — фрагментами. И этих фрагментов хочется надёргать, как редиски, и связать в тугой красивый пучок. А «ботву» отрезать)

Здесь «ботва» происходит от мелких погрешностей согласования. Мелких, но неприятных.

мнимому одиночеству
за панибрата — случай.
именно он вселил,
как населив Тибет
особью прихотливой

из побуждений лучших...

Вселил — кого? Глагол, требующий управляемого слова, не может просто так зависнуть в воздухе! Оно понятно, что и так понятно, но правила грамматики никто не отменял. «Особью прихотливой» относится к «населив Тибет», и всё вместе это деепричастный оборот. Перед ним или хотя бы за запятой, где он заканчивается, должно быть слово, управляемое глаголом «вселил». Его нет — и конструкция несостоятельна, и кренится в воздухе шатко и перекошено.

Еще:

вместо ли мести,
ремесленно
кошку приучишь ты
в блюдце разбитом:
кормом-
домовладье праздновать.

Кошку приучишь в блюдце разбитом праздновать?
Кошка великовата для блюдца, она не хомяк, не мышь.
А «домовладье» — опечатка, наверное? Оно и по ритму не подходит, с потерянным слогом-то.

А вот этот отрывок и вовсе не берусь интерпретировать:

мне никогда не больно:
не различать на ощупь
даже
ремня — текстур,
ни хворостины щедрой,
ни девясила — корня...

Кошка не различает на ощупь текстур ремня? А должна? А она их щупает, что ли, этот ремень, хворостину эту? Чем, лапами?
Девясил вроде настаивается на спирту и принимается от простудных заболеваний. Лекарство такое народное. Хозяин дает кошке ощупывать девясил?

В общем, какие-то совершенно тёмные, мутные для меня места перемежаются кусочками действительно классными, даже высококлассными.
Напоминает изящную винтовую лестницу, круто уходящую вверх, но с зияющими провалами вместо некоторых ступеней.

Вопрос от Доктора:

Если бы вы были адресатом этакого послания — что бы вы предпочли подарить отправителю: ошейник от блох и пластмассовый лоток или собрание сочинений Франсуа

де Сада?

Конкурсное произведение 126. "А я хотел"

ПК:

Великолепное стихотворение. Сразу и не поймешь, вопреки или благодаря своей «непритязательности» оно великолепно. «Непритязательность» взята в кавычки по той простой причине, что это как раз и есть способ притязать.
Автор отлично разбирается в оттенках поэтической иронии — в оттенках актуальной иронии, — и умело балансирует на той ее грани, за которой начинается уже поднадоевший всем наиво-стёб. Автор играет скорее в лирика, чем в ироника. В лироника, если объединить два слова.

От иронии здесь, собственно, только два момента: выбранный «забавный» предмет описания (пупырышки, пузырьки), и использованные рифмы. Слова/трава, света/ где-то/ лета/ это, ерунда/ туда, пустое/ не стоит.
Автор словно обыгрывает устремлённость современной поэзии к юродствующему примитивизму (не всей поэзии, конечно, но довольно крупной ее ветки, в то время как другая тянется в противоположном направлении — к избыточной усложнённости и нагруженности тропов).

Даже модную нынче манеру пустовато рефлексировать — и ту автор обыгрывает (и наполняет светом):

А я хотел... А впрочем, всё пустое.
Бессмысленно. И ничего не стоит.
Слова, стихи – такая ерунда.
И главное – я знаю, знаю это.

И вот, казалось бы, автор не сделал ничего особенного: «поприкалывался», полопал пузырьки наипростейших слов и образов, — а ощущение (у меня, у читателя), словно меня угостили вкусным свето-кислородным коктейлем.

Пожалуй, расщедрюсь аж на целых три розы.

ЮМ:

С большим бы удовольствием прочитала стихотворение от лица субъекта, который уже находится там, «где всё преображается; где лето / звенит, и слово состоит из света».

А вот слово «пупырышки» неизменно вызывает в памяти китчевую и надоедливую песенку «тырышки-пупырышки», ещё некоторое время назад звучавшую из каждой тюнингованой машины.

Но есть и стихотворение, которое возникает в памяти, я процитирую две строфы, как всегда — для наращивания контекста:

Яйцо вкрутую, срезанная сота,
в которой жив ещё ослепший мёд,
и длинное присутствие азота
в непринуждённом воздухе живёт,

и якобы прозрачные мешочки,
надутые пузырчатой водой,
летят, взрываясь медленно, как почки,
обманутые раннею весной.

[В.О. Кальпиди, «Дождь» из книги «Мерцание»]

Вопрос от Доктора:

Не правда ли, есть что-то завораживающее в слове «пузырьковедение»?

Конкурсное произведение 127. "Город у моря"

ЮМ:

Здесь, в этом тексте, устроение бесхитростно, почти на всём протяжении взаимодействуют морской ряд и транспортный:

«море ворчит», «суда», «не донырнуть», «илом заплывшие гавани», «глубину», «цунами», «влажный залив», «прибой», «волной», «чайки»

«суда», «караванами», «трамвайчик куда-нибудь вывезет», «лестницы», «разбегается», «сойдясь в лобовой».

вот здесь эти ряды сходятся:

«суда», «гавани», «бьются чайки, сойдясь в лобовой»

Выстроено крепко, а сейсмоустойчиво или нет — мы поймём после Таниной рецензии. Как по мне, очень просматривается композиция и как будто только ради композиции, ради выстраивания стихотворения как развёрнутой метафоры, все и затевалось.

После лобового столкновения чаек ждёшь чего-то архи-интересного, какого-то выхода, если не развития. Но пошло перечисление народов, общие места и прочие красо́ты. Огонь и вода — это же невероятное взаимодействие, зачем же его спрятали от нас в костры?

ПК:

Ой, мне так нравится, Юль, как ты меня то прекрасной называешь, то зоркой, то меткой, то вот в поэтические сейсмологи возвела... Ей-богу, ради одного этого стоило пойти в обозреватели!

Вот теперь думаю сижу, сейсмоустойчиво стихотворение или нет. Мне оно напомнило «В нашу гавань заходили корабли», только более затянутое и рафинированное, без поножовщины в таверне. Зато — с массированными лобовыми атаками чаек на армию холодных ветров. (Строчка хорошая, ты не зря ее выделила).

На шестой строфе присоединяется еще один узнаваемый мотив: «Не нужен мне берег турецкий».
И где-то рядом прогуливается по набережной Блок, провожаемый раскосыми и жадными очами азиатов со скифами.

Не знаю, как бы это поточнее выразиться, но от текста у меня ощущение очень долгого, увлёкшегося собой попурри. А больше ничего сказать не могу.

Вопрос от Доктора:

Кто-то рискнет утверждать, что это не о городе и море?

Конкурсное произведение 128. "Кысмет"

ПК:

Хорошее стихотворение, сильное, с этим даже и спорить бессмысленно. Но для меня его сила не в поднятой теме, а чуть поодаль, в стороне от нее. Главная тема, она ведь здесь такая... каждый из нас уже как-то к ней отнёсся, и не раз, и потом еще не раз перерос свое отношение, и снова как-то отнёсся, но вот уже и остановился на одном, определился окончательно во всех нюансах своего личного сложного чувства к этой исторической данности. И снова запустить этот процесс «становления принятия» невозможно — всё уже, гештальт закрыт. Притупление эмоциональной реакции на «раздражители» вроде этого текста — неизбежно.

Но, как я уже сказала, текст меня взял другим. (И тема депортаций проехала контрабандой с этим другим, более меня затронувшим.)
Описание обстоятельств ухода.
Вот здесь автор сработал мощно, здесь мои восторги автору — не полупустая формальность и не «отдавание должного».

Смерть не настигла старика врасплох. Таинство постепенного перехода, вживания в свою смерть начинает брезжить намёками с самых первых строк:

Автор: Субъектив
21.10.2020 14:00

Курбан вздыхает прошлому в затылок и пробует на ощупь небеса.
В левкоях утопает летний сад, и стол для сыновей Айла накрыла.

«Пробует на ощупь небеса», это оно и есть. А видение семьи за столом в саду — это пока еще воспоминания, картинки из прошлого. Но очень скоро, хоть и как-то незаметно для глаз читателя, эти картинки сместятся в область вне-временного, заоблачного, в некое место грядущей встречи.
Здесь уже можно начать понимать, что все они умерли, но можно и не догадаться, продлить неведение.

Томится плов, на блюде ждёт долма. Хабиль с Кабилем сводят мать с ума,
во вражеских объятьях сжав друг друга. Один пришёл в пилотке со звездой,
в фуражке с Totenkopf пришёл другой

«Один пришёл» — ! Это слово отдаляет-откладывает озарение догадкой. «Пришел» говорят о тех, кто вернулся, пришел домой, пришел живым, пришел с войны.
Куда пришли сыновья Айлы? Правильно, тоже домой, потому что дом там, где мать, а мать у них на небе. Всё логично, и эта логика грусти, скорби — по таким «вернувшимся сыновьям» — рождает здесь первое по-настоящему сильное чувство. Оно сильно, хоть эти «возвращения» мёртвых сыновей к мёртвым матерям давно канули в лету. Мы же не оплакиваем молодые жизни русских воинов, полегших на Куликовом поле. То же, со временем, станет и с памятью о солдатах ВОВ, правда, уже не у нас, а у наших потомков.
Но есть вещи, которые будут ранить всегда, каким бы отдалённым во времени не был описываемый эпизод: это некие психологические универсалии, одинаково воздействующие на наши чувства.
(«Универсальные слезодавилки», — сказал бы тут Станислав Струцинский, да он почти так и сказал в своих заметках, лишь слегка смягчив формулировку до «сердцещипательности».)

/кстати, о возвращении с войны мёртвых к мёртвым есть очень сердцещипательный момент в фильме «Другие» с Николь Кидман, очень рекомендую посмотреть, если кто не видел/

Наконец, со строчкой «На облаке спускается Айла», в тексте возникает полная определённость. Умершая жена пришла за умирающим мужем. Там, в раю, стол накрыт и для него тоже. Дети ждут — снова ставшие детьми, мальчишками, из взрослых красноармейца и эсэсовца.
Как тут не вспомнить текст А. Кабанова «На сетчатках стрекоз», где обнулённые, выведенные за рамки человеческой жизни, Добро и Зло отдыхают от дел вселенских:

дети спали в саду, не разжав кулачков,
но уже обнимая друг друга.
...
Что вам снилось, Адольф и Иосиф?

/Кто из них Добро? — спросите вы. Хорошо: Зло и Зло. В общем, эта дискуссия могла бы произойти, текст к этому располагает, но не сейчас и не здесь/.

Так вот, Айла склоняется над мужем, и тут второй фрагмент, ставший для меня сильным: «И удивлён Курбан: вот это да! – / от оспы не осталось и следа». Можно было просто написать: жена пришла молодой и красивой, но это уточнение о следах оспы, исчезнувших с ее лица, эта вроде бы незначительная деталь всё преображает, привносит какую-то очень пронзительную «мелкую частность» — словно чиркнули спичкой в темном вагоне, и читатель на миг увидел и это женское лицо, и сами эти две судьбы, женскую и мужскую.

И последний фрагмент — собственно миг смерти. Курбан «привстал» (потому что его позвали; приподнялся на своем смертном ложе) и «вышел в пустоту».
Здесь поговорила бы о «поезде», о паромной функции этого образа — между миром живых и мёртвых; о том, что в реалиях того времени эту метафору можно было понимать буквально: вереницы сцеплённых между собой ладей Харона, везущих людей туда, возврат откуда не предполагался.
Но говорить о поезде, занимая отведённое под обзор пространство, мне уже совесть не позволяет.
Поэтому закругляюсь.

Буду неоригинальна и предсказуема и подарю тексту три розы.

ЮМ:

Таня, я согласна с тобой, что это хорошо написанный текст и повествование не преследует цели выдавить слёзы.

Такие тексты — как карстовые разломы, как будто существующие для того, чтобы проверять человека, увидит человек что-то больше исторической памяти?

И что-то неизмеримо большее слышится в предпоследней строфе, будто она поднимается надо всем сразу, а в последней строфе текст возвращается к себе, к необходимости пафоса (в аристотелевском смысле), для меня — сомнительно решённого.

Есть моменты, где уровень обобщения для меня немыслим: « на станциях, как сгнившую айву, / через окно и двери на траву / вышвыривают мёртвых конвоиры». Это с одной стороны очень бесчеловечно, такой уровень обобщения, а с другой стороны невероятно гуманно, потому что многие поезда ехали так: никто не заходил в вагоны депортации, поезд не останавливался и без еды и воды люди умирали и оставались в вагоне. Вместе с живыми.

У нашей истории огромное количество травм, и может наше время хотя бы позволит часть их проговорить и принять. Принять, что мы способны на всё, не отрицая способность любить, сострадать и верить.

Наверное, этот текст про это, если по большому счёту.

Прочитав то, что написала Таня, вспомнила любимое стихотворение Олега Чухонцева «и дверь впотьмах привычную толкнул ...» — там тот же сюжет застолья на том свете, единственно, там в финале всё-таки происходит преображение человека.

И прожитому я подвёл черту,
жизнь разделив на эту и на ту,
и полужизни опыт подытожил:
та жизнь была беспечна и легка,
легка, беспечна, молода, горька,
а этой жизни я ещё не прожил.

[О. Чухонцев « и дверь впотьмах привычную толкнул...»]

И вот в этом моменте происходит моё вкусовое расхождение с текстом 128. Мне, как читателю, очень нужны стихи по ту сторону карстового разлома.

Но несправедливо будет оставить без знаков.

Один знак — !

Вопрос от Доктора:

Удалось ли автору «дожать» читателя на слезы, как вы считаете?
Пальцем в небо, конечно, но не напоминает ли текст своей проработанностью вот это:
« Одна жизнь Дашратха Манджхи »

ЮМ:

Доктор, больше похоже на « Привет, Артём, у нас всё хорошо ».

Конкурсное произведение 129. "Юго-Запад"

ЮМ:

Стихотворение-репетиция, по своей структуре соответствует знаменитой строке «роза это роза это роза» Гертруды Стайн. Оно номинирует некие события, которые заявляются в первой строфе как ритмическое продолжение «Вредных советов» — «Не бери чужое, если / На тебя глядят чужие ...» — но пытается сказать о страшных, даже ужасных вещах. Уровень отстранения — максимум.

Но оно говорит одно и то же в каждой строфе, и даже «И теперь я безголовый, / безразличный, но здоровый, / дверь закрыта на засовы, / остальное трын-трава» не выводит на новый уровень. Возможно, это потому что перед этим был максимальный

уровень отстранения и переходу к 1 типу речи не очень веришь.

ПК:

Вот и соглашусь с тобой, Юль!
Первому куплету этой свистелки веришь — веришь его обещанию вывести к какой-то симпатичной абсурдинке, к тайной маленькой площадке с внезапным видом на Гранд-Каньон.
А текст приводит тебя на скучную приземистую смотровую, где толпится куча народу. Никакого эксклюзива. Мысли широкого потребления о тлетворном влиянии юго-запада.

там с меня упала шляпа,
а под нею – голова.
И теперь я безголовый,
безразличный, но здоровый.

/да, еще и «гендерно-определившийся» можно добавить/

там привычен метод кляпа
и пока хватает тряпок
затыкать кричащий рот.

/да! свободу Джулиану Ассанжу!.. кстати, напишите уже кто-нибудь про Ассанжа/

«Непростреленный висок» в финале очень симптоматичен для такого рода игрово-дидактической поэзии с уклоном в политику-социалку. Но — нелогичен и нефизиологичен: как может трепетать височная жилка у безголового?
Или это и есть тот долгожданный уход в абсурдное? Тогда — о-о-о!

Вопрос от Доктора:

Еще один Эзоп?

Конкурсное произведение 130. "Ни"

ПК:

Как же хорош автор, когда он говорит о пушистом рогозе, о неслышной субмарине сома, о столбике комарином, который «звенит, как нерв, задетый тишиной».
И как нехорош, когда исследует некие умозрительные допустимости. Не, ни, ни то ни сё, «Ни ввысь, ни вниз – смешно – ни вниз, ни ввысь» (целую строчку отдать под ничто, ага, обхохочешься!)
«Ни там, ни там не нужен. Ты иной.» (Поняли уже, поняли!)

Мне кажется, для этой мысли о ни-ни, коль уже она автору так дорога, можно было

отвести ровно одну строфу, вот эту, с удачным и весомым словом «безвесный»:

Земля, вода, над этим – облака.
Но ты – нигде, застывший между ними,
Такой безвесный, что и дно не примет,
И небо ухмыльнётся свысока.

И всё. А остальные строфы отдать под чудесную, нежную, чувственную и тонкую пейзажную лирику, к которой у автора большой талант...

ЮМ:

Выделенные тобой, Таня, строки для меня прозвучали как строки перехода —

«Никто. Висишь, не признанный мирами, / Ни ввысь, ни вниз — смешно, ни вниз, ни ввысь»

... и снова вспоминается стихотворение Олега Чухонцева «и дверь впотьмах привычную толкнул»:

Хотел, хотел – но двери распахнулись,
как в лифте, распахнулись и сошлись,
и то ли вниз куда-то, то ли ввысь,
быстрей, быстрей – и слёзы навернулись.

[О. Чухонцев « и дверь впотьмах привычную толкнул...»]

В стихотворении 130 с этим переходом ничего не происходит и возможно в том и состояла задача — описать это состояние, состояние «нигде». И в этом мы расходимся с текстом в предпочтениях и взглядах.

И тем не менее, мне настолько нравится этот заявленный переход, вот это зависание между мирами, что отмечу стихотворение. (Напомню, у нас было стихотворение про Королеву Елизавету, где переходы нанизывались друг на друга, будто метафоры в стихотворении метаметафориста, но такого перехода там не было, при перечислении почти всех, широко используемых в конкурсных произведениях на портале).

Малый восторг — !

Вопрос от Доктора:

Кто еще согласен со Спарбером в том, что первая строфа — лишняя?

ЮМ:

Не знаю, лишняя она или нет, но чересчур красиво выглядит месседж: «ты — чудовище,

которое неостановимо пишет текст и никак не может его написать», хотя само по себе это крутое сообщение.

Конкурсное произведение 131. "Кисмет"

ЮМ:

И ещё один вариант гладкого письма: история линейного повествования, которая стремится выйти за рамки этого повествования, но не выходит и заявленный седой сосед-татарин введён для того, чтобы добиться некоего эффекта в финальных строках.

Очень любопытно, что скажет моя прекрасная коллега, которая так здорово разбирает любое повествование.

ПК:

Похоже на некую топонимическую легенду, запечатлённую в стихах, и немного на жестокий романс. Ты вот, Юля, говоришь «гладкопись», а мне этой самой гладкописи не хватило. Текст под быличку должен выдерживать жанровые критерии, а здесь авторское топорщится и выглядывает из-под а-ля народного.

Например, речистый отец — это явно что-то личное, наболевшее) Но какую роль играет в тексте его речистость? Зачем автор о ней упомянул? Для рифмы?

«Дочь, еще горячая ото сна» — а вот здесь, видимо, «горячая» вставлена для размера, потому что дети ото сна бывают тёплыми, а горячими — от болезни.

И такого в тексте хватает. Неточность, небезупречность поэтического синтаксиса — там, где ему позволительно быть достаточно «простым», подражающим фольклорным жанрам, но при условии идеальной выверенности и точности каждого слова.

Одна строчка в тексте мне очень понравилась:

«Я отравлен, болен, иду не к той»

Сколько экспрессии и отчаяния в этом «иду не к той»! Сколько необоримой страсти! Вот здесь авторское выпячено уместно, прорывается очень здорово!

Вопрос от Доктора:

Допускаете ли вы, что и «сферический конь в вакууме» может выглядеть красиво, несмотря на схематичность и неопределенность его функций?

Конкурсное произведение 132. "Скажи ему"

Автор: Субъектив
21.10.2020 14:00

ПК:

В этом тексте мне как читателю все карты спутал «соседский мальчик». До конца так и не удалось установить — существовал ли этот мальчик как еще один самостоятельный детский персонаж, или он здесь в качестве метафоры: «двойник» героя столь призрачно-бесплотен, что его можно сравнить с разводами-пятнами на обоях, или со смутным знанием, что умер какой-то мальчик, не имеющий к тебе (к герою) прямого отношения: не родственный, соседский, полумифический.

Иными словами, «соседский мальчик» — это кто-то еще, или это взрослый герой так воспринимает себя-ребенка, от которого полностью отчуждился и стал «соседом»? Скорее всего, последнее. Потому что — зачем бы мама стала навещать призрак реально существовавшего соседского мальчика?
Она ходит к своему собственному ребенку, в кладовку.

Но тогда почему их двое на фотографиях?

Судя по отзывам, многие комментаторы тоже запутались.

ЮМ:

Таня, вот есть возможность и поспорить (хе-хе). Я не вижу здесь никакого двойника, я вижу антифрейдовский текст, основной посыл которого: «да нет никакого «все проблемы из детства», не концентрируйся на этом».

И «двойник» в тексте — это как раз возможность сказать, что это кто-то похожий на тебя, но не ты. «Не разбирай кладовку в детской» — отстань от себя, не вороши прошлое, живи настоящим — мне видится, что художественная переработка состоялась. Но в то же время не отрицай, что твоё детство было — «Не обрекай его ничтоже / Сумняшеся на свет и смерть.» — не смотри на него, но не отрицай, живи сейчас.

А дальше переходит текст в новое пространство, это постоянно то ли сон, то ли страх и непроговоренность, тонкая художественность и неоднозначность — как раз то, что необходимо современному тексту.

И их не двое на фотографиях, просто взрослый человек изменился до такой степени, что не узнаёт себя на детских фотографиях.

Если сказать, о чём этот текст — то скажу, что о взрослении.

Полный восторг — !!

Вопрос от Доктора:

Может ли простота технических средств — быть компенсирована сложностью затронутой темы?

Иными словами: можно ли с помощью инструментов из детского конструктора — собрать Большой адронный коллайдер?

Конкурсное произведение 133. "Полночный полет над черным полотном безызвестности"

ЮМ:

Не знаю, почему, но увидев «и надень гермошлем, вылетая в полночный эфир, / чтоб бродить по изломам петли сорванца Водолея» — я моментально вспомнила подборку «Голоса в шлемофоне» (Таня, прости, но из рецензии слов не выкинешь). Там история вот в чём была — полёт во время операции по разделению близнецов.

Здесь у нас заявлен полёт ... в чёрный квадрат Малевича, как я понимаю. И вот думаю: это про невозможность концептуализма? Про страдание о безвестности некоего творца?

Или это попытка лирического субъекта ответить на один из фундаментальных вопросов: «кто я, откуда пришёл, куда иду». Видимо так.

И конечно же:

«Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.» [Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста
. — М.: Языки славянской культуры, 2004]

«Схоронюсь в простыне» после «гроб с малюткой» — это ... ну, может быть и любопытно, но это же максимальная направленность всех слов и любых событий, даже гроба с малюткой на субъекта. Текст как собирание урожая для некоторого «я». Или ошибаюсь, Таня?

ПК:

Юля)))) Спорим, на этот раз кто-нибудь обязательно спросит в комментах, сколько я тебе приплачиваю за пиар? И ведь не поверят же, что ни копейки! Что только пиво с корюшкой посулила при личной встрече... которая всё отдаляется и отдаляется по известным причинам.

По стиху. Поездная бессонница действительно штука мощная, способная временно изменить сознание и вырвать тебя — временно — из тёплого надышанного купе в холодный космос. Мне кажется, автору удалось передать состояние, когда происходит этот внезапный отрыв, инсайт.
Но... избыток сумбурности помешал сделать сообщение — поэтическим высказыванием в полной мере.

Над текстом надо кропотливо и вдумчиво поработать.
Начиная со строки «чтоб услышать, не спят ли соседи во мгле нижних полок». Здесь логическая помарка: естественно было бы навострить уши, чтобы понять, не проснулись ли соседи. Услышать, не спят ли — искусственная, сконструированная фраза.

Также очень советую задуматься, нужен ли здесь «гроб с малюткой». После этой метафоры читателю как-то уже не до космоса... по крайней мере, секунд пять. А это много.
Ну и так далее по тексту. Убирать рыхлоту, подтягивать болты... и можно выйти на новый уровень.

Вопрос от Доктора:

Недомолвки видят сны?

Конкурсное произведение 134. "Приматы"

ПК:

Классная игра слов: сериал — сер и ал. Это первое, что бросилось в глаза при чтении стихотворения.
Второе — финал. Нет, не в смысле каламбура «фи, нал!», а действительно здоровская строфа!

Только три примата в ряд
с неразличимым выраженьем:
не то смурным, не то блаженным
смирно вечные сидят.

Сразу возникли перед глазами. Три обезьянки: не вижу зла, не слышу зла, не говорю со злом.
И вот где-то отсюда, с этих бы строк, и начать автору разгонять стихотворению. А всё, что выше, смахнуть как пену.

ЮМ:

А и соглашусь с Таней — именно, что иногда стоит расстаться со всеми каламбурами, видимо призванными заставить читателя тоже немного кривляться при чтении, но принуждать читателя ведь трудно.

Если долго говорить о том, что «ты — номер ноль», даже вкладывая это в уста кого-то стороннего, то есть риск запрограммировать все последующие тексты на невозможность написаться. Может стоит программировать тексты на возможность написаться?

Автор: Субъектив
21.10.2020 14:00

Вопрос от Доктора:

Правильно ли надо понимать, что «мыслям нет поводыря», и они заблудились средь трех приматов?

Конкурсное произведение 135. "Сказание о Предтече"

ЮМ:

А это ещё одна разновидность гладкого письма с претензией на юмореску. Опять ножик (может ну её, «чужую ночь», может ножи начать собирать?), ночи, всевозможные боги, попытка объяснить мир. Как будто и не юмореска, а философствующая лирика.

Может это я тут ха-ха, а на самом деле это — старательное переложение в стихотворную форму Квентина Мейясу «После конечности» и других его произведений, в одном из которых можно вычитать мысль, сводящуюся к тому, что Бог ещё не родился.

Но «ё-моё» в качестве первого слова — всё равно перебор.

ПК:

Начало, по крайней мере, очень остроумное и задорное. Этот шпанистый Ра в восьмиклинке, кидающий в «небытиё» перочинный ножик и наверняка поцвиркивающий зубом...
Но потом...
Мне кажется, есть такой особый синдром удачной строки, когда автор после поэтической удачи впадает в пафос и начинает говорить значительно.
Вот и здесь — едва успев появиться, куда-то делся озорной шпанёнок, без перехода сменившись серьёзным представительным Богом с «отеческими руками», которыми он лепит-укрощает ночь, а за ней твердь, а дальше жизнь и смерть. И пошло-поехало: Создатель, Абсолют, Творец...
Ближе к концу, словно спохватившись, автор вставляет «пацак» и «ё-моё», и возвращает на сцену Ра, но уже не с ножиком, а с сингулярностью. Ну не знаю. Зритель в моем лице так и не понял, что должен был здесь почувствовать.

Вопрос от Доктора:

Правильно ли надо понимать, что непознаваемость Бога теперь доказана?

Конкурсное произведение 136. "Монах с отрезанным языком"

ПК:

Мне кажется, тут всё затеяно ради игры значений. Монах с отрезанным языком — и все

сразу представили человека, которому отрезали язык. Ан нет, всё наоборот: это человек с чужим отрезанным языком в руке. Можно смеяться. Но не особо хочется.
А про двуногое без перьев — это Платон сказал, еще до всяких монахов. Может, имеет смысл заменить «монаха» Платоном? А «высохший старик» пусть был бы Диогеном.

ЮМ:

Несмотря на большое количество событий в тексте, он замкнут на себя и не проясняет никак свой замысел.

Что за монах действует в тексте? Как будто он похож на юродивого, но юродивый получил широкое распространение в православном христианстве, а перед нами вряд ли христианин, пусть бы и христианская церковь была многообразна.

Нехристианское монашество презирает плоть, конечно, может стоит обратиться к индуистским религиям? Пожалуй, достаточно знания, что монашество — явление общерелигиозного, даже религиозно-философского характера.

И некие отсылки к истории философии Таня тут увидела, наверное это и всё, что можно увидеть здесь. Право, «монах искал двуногое без перьев», т.е. не «чудо в перьях», а «человека» — это звучит потешно.

А целиком текст прочитался как текст о стихотворениях, о «создании поэтической религии», но может это я вчитываю)

Вопрос от Доктора:

Если законодательство некоторой страны начнет оперировать языком метафор — не будет ли оценен этот «круговорот монахов в природе» в цикл автобиографических повестей о прелестях тюремного быта?

Конкурсное произведение 137. "Notre-Dame de Paris"

ЮМ:

Читала этот текст вдоль. Читала поперёк. Читала по глаголам. Читала по существительным.

По существительным, кстати, получилось лучше всего.

Начала раскрашивать, чтобы понять, что к чему относится, как соотносится и как взаимоперетекает.

Получилось то ли 8, то и 9 цветов. Скорее всего эта раскраска может свестись и к главному, и к какому-нибудь конфликту, и к чему-нибудь в традиции.

Остались два вопроса, и я их обращу к своей коллеге, потому что никак не могу понять, на чьём плече татуировка (Дождя? Будущего? Ягнёнка?) и что это за «оно» — это вино?

Таня, как ты видишь и пришёлся ли тебе по сердцу этот текст?

ПК:

А я это вижу так: заблудший пастор с татуировкой в виде ягнёнка на плече шагает по Парижу в таверну «Шхуна», напевая под медицинской маской арию Фролло из «Notre Dam de Paris» и попутно «открывая материки» (что бы сие ни значило).
Это на уровне внешней каймы сюжета, картинки.
Касаемо сюжета внутреннего, то есть всего происходящего в этом тексте на уровне речи поэзии, то у меня создалось впечатление, что автор двигался наобум, вслепую, куда кривая вывезет.

Теряя слов напрошенную нежность,
он открывал свои материки, –
они манили больше, чем пугали.
И, обтекая контуры границ
всё тех же Аргентин и Португалий,
в них маски закрывали части лиц.

О чем это, кто-нибудь может растолковать? Я — нет. No idea.

А это? —

Казалось: превращается в вино
вода, текущая на русый локон, –
не обретая веру и свободу, –
под каблуки, на белый воротник.
Оно обратно превращалось в воду
и омывала новый материк

Мало того, что вода мечется по герою вверх-вниз: русый локон — каблуки — воротник, так ещё ведь и совершенно непонятно, чем вызвана эта многозначительная метаморфоза (вода—вино), неужели прикосновением к «русому локону» персонажа? И чем вызвано превращение вина — обратно в воду?
Логика этого образа такова, что дождевая вода, попадая на героя, становилась вином, но как только стекала с него на тротуар — наваждение развеивалось и вода опять становилась водой.
Нормально так... и в таверну ходить не надо, знай себе облизывайся — и захмелеешь!

Обилие многозначительности, подменившей многозначность, — вот что я вижу со своей читательской колокольни, Юль.
Только первые строки хороши:

Автор: Субъектив
21.10.2020 14:00

Был странный месяц... дождь, сменявший снежность,
надевшую прохожим парики.

В этой двадцатке текстов такое уже встречалось: ударные первые две-три строчки — и резкое понижение. Но на энергии первых удачных строк читательское доверие прокатывается чуть дальше, чем могло бы, не будь этих строк.

Вопрос от Доктора:

Всегда интересовало: почему фантасты любят, чтобы их герои махали в космосе мечами, а поэты — чтобы на земле бластерами?

Конкурсное произведение 138. "Последняя на Потьму"

ПК:

По технике, по художественной образности — вопросов не имею. Стихотворение очень мастерское, ёмкое, хорошее одним словом.
Но вот посыл его меня тревожит. Такие стихи могли бы писать герои Солженицына, какой-нибудь вольноотпущенный «шабашник» из конструкторского бюро с намордниками на окнах... Нет, даже не отпущенный — командированный за какой-нибудь важной деталью вроде дефицитного хромированного смесителя для начальника.
Вернуться нужно строго ко времени, опоздать нельзя, и вот он бежит за своим вагоном «на Потьму ли, во тьму» — темно, холодно, жизнь загублена, смеситель под мышкой... и всё равно — наслаждается. Этим бегом, и покупкой билета в общей кассе, «как все», и тем, что может сесть сейчас у окна — а может остаться в тамбуре, покурить. Как захочет.

«А вы машите, милые, сквозь рыжее стекло...» — это он ясно кому, вольняшкам. Наивным «свободным» людям. С таким подтекстом, что недолго им в вольняшках ходить осталось.

вас центробежной силою
уже поволокло
...
под волнами, под войнами
по лагерному дну
успейте бесконвойными
к вагонному окну.

Неужели и впрямь всё так плохо и ждать нужно именно этого? — хочется спросить у автора жалобным голосом. Он явно что-то знает. Такой предрешённостью повеяло от его текста, таким усмешливым провидческим спокойствием...
Или это «открытка из прошлого», из времён не столь отдалённых?
Как расценивать, всё-таки?

Пока — за лёгкий морозец по коже — две розы.
/третью не дам по идейным соображениям: я политический оптимист/

ЮМ:

Мне не нравится месседж этого текста, который сводится к «пора валить», как я понимаю.

А написано ловко и умело, я даже вначале растрогалась, вспомнилось «вагончик тронется, перрон останется» и ещё много всего. А потом как пошло про бесконвойность, так на меня упал ... эээ ... современный дискурс. И всё — это я читала много раз в более совершенном исполнении.

Вопрос от Доктора:

К чему так часто стали появляться подобные аллюзии?

Конкурсное произведение 139. "Птица"

ЮМ:

Итак, подошла к тексту, который хорошо слышу. Это история о любви, а точнее о её тщетности, как о тщетности невзаимной любви.

На всём протяжении текста «птица бьётся в окно», но это всё время разная птица, точнее — всё время у наблюдателя складывается разный образ этой птицы, благодаря происходящим событиям.

В первой строфе два субъекта максимально сближены, он хочет впустить птицу и открыть окно, а она запрещает ему это делать, потому что это к смерти. И как призрак в голове у наблюдателя мелькает слово «любовь», как вечная спутница «смерти» в вечном сюжете. Здесь же, в этой строфе, задаётся основа для конфликта.

Во второй строфе уже появляется кто-то третий и ситуация изгнания, потому что она напугана возвращением «он» больше, чем той птицей, которую она запрещает впускать.

Так что вижу интересное произведение с неожиданным превращением птицы в финале, это птица героя, оказывается, которая выполняет задание, это о тщетном движении души, о тщетности любви, о невзаимной любви.

Ох, как бы я поспорила с этим субъектом! Но с другой реальностью не поспоришь, а она создана и переплавка этой реальности в художественную состоялось.

Полный восторг — !!

P.S. Таня, прочла про графический перенос, может просто этот текст следит за тем, чтобы строки были равны семантически? Перенос придаст глаголу «заглянул» слишком большое значение, которого глагол просто не выдержит.

На мой взгляд это разрушает инерцию чтения.

ПК:

Во многом согласна с Юлей, мне тоже это стихотворение — поэзия чистой воды, квинтэссенция поэзии, сама ее суть. Особенно рефренная фраза. «Птица бьётся в окно» — в каком-то смысле это про поэзию и есть)

Но тем больше мое недоумение, когда я налетаю на зачем-то натянутые автором «растяжки для спотыков», или как их еще назвать, эти странные сбоящие строчки.

Птица бьётся в окно.
Он вот-вот возвратится. Скорей уходи.
И пускай!
Птица бьётся в окно.
Чего мне бояться? Я к сыну заглянул.
Птица бьётся в окно.
Птица бьётся в окно.
Проклятая птица! Ты тише, не разбуди.
Сделай чай.
Птица бьётся в окно.

Не я только здесь споткнулась. Заглянем в ленту комментариев.

— Мне одной читается «яксЫну заглЯнул»?
— Нет, Свет, ни одной тебе))) Я на «заглЯнул» тоже резко споткнулась)

А мне вообще так читается: «я к сынУ заглянУл».

А сам автор, возможно, имел в виду вот что:

Птица бьётся в окно.
Чего мне бояться? я к сЫну
ЗаглянУл.
Птица бьётся в окно.

Цезура с переносом слова на другую строку в корне меняет дело!
Но тогда нужно было оформить это графически: взять слово и перенести. Автор то ли забыл это сделать, то ли просто снебрежничал.

То же с фрагментом «не разбуди». Гораздо лучше было бы так:

Птица бьётся в окно.
Проклятая птица! Да тише ты, не разбуди.
Сделай чай.
Птица бьётся в окно.

И вот, казалось бы, такие мелочи, пустяки, акцентики, переносы... но этот мелкий шум очень засоряет текст в самый первый, трепетный и уязвимый, момент его восприятия. Потом-то можно вернуться, объяснить себе встреченные огрехи невниманием автора, утешиться тем, что их легко исправить... Но первый момент уже не повторить. Он безнадёжно испорчен.

И еще одно замечание-наблюдение:

Чёртовых десять минут
птица бьётся,
и бьется ,
и бьётся в окно.

Это неправдоподобно и почти комично. Птица бьётся в окно, словно автор ап стену. Что там от птицы осталось бы, за 10 минут непрерывного битья?
Мне кажется, этот фрагмент здесь лишний.

Я дарю только одну розу.

Вопрос от Доктора:

Если птица бьется не в окно, а в голову, значит ли сие, что в детстве — ее кукушонком подкинули в гнездо дятлов?

Конкурсное произведение 140. "Щи, картошка и компот"

ПК:

И снова обращусь к ленте комментариев. Иногда не стоит изобретать велосипед наиболее точных формулировок, если кто-то уже сделал это до вас.
«Стихотворение, — пишет о тексте Валентин Емелин, — раскрывает глубокую экзистенциальную сущность щей в контексте патриархальной деревни. в контексте города ту же роль играет суп».

Уверена, даже если он шутил, то только наполовину.

Текст, с виду «сердцещипательный нарратив», на самом деле имеет экзистенциальную глубину.
Бабка Марья живет по заведённому порядку, готовит первое-второе-и-компот уже умершему супругу. Длит его существование. Как бы существование. А также длит себя

— как сухонькую, бодрую, быстроногую и быстроглазую «молодую» старушку. То есть то состояние старости, когда ты сам себя обслуживаешь и никому не «балласт».

Она не может позволить себе одряхлеть, она нужна мужу — чтобы варить ему щи (в которых он давно не нуждается). Она не может превратиться в развалину — у нее хозяйство, дом, сад, быт, кот, муж. На этих столпах держится ее мир, стоит надёжно и всё еще крепко, почти незыблимо, несмотря на то, что один из столпов уже обрушился и озыбился, превратившись в призрак.

Этот стих еще, пожалуй, о свойстве человеческой психики «отменять» травмирующее событие, делать вид, что его не было, — из чувства самосохранения. Бабка «не заметила» смерть деда, чтобы пожить еще той жизнью, которая одна только для нее и возможна: то есть вместе с ним, для него.

Где-то тявкнула собака.
Окна выкрасил закат.
Сонно нежится на стуле
Престарелый рыжий кот.
На плите кипят кастрюли:
Щи, картошка и компот.

Психология на пальцах. Экзистенциальное на пальцах. Всё просто, всё на пальцах нарратива, совершенно бесхитростным языком.
Уметь так сочетать — дорогого стоит.

Стихотворению две розы от меня.

ЮМ:

Таня, а мне прочиталось как просто и хорошо написанная история, но без открытий. Как будто не хватило чего-то, чтобы состоялась не частная история, а общая.

Рассказано достоверно, искренне, но этому веришь как некоей быличке, а хочется верить как документу, при этом художественному документу, будто переданному из той реальности, который проясняет эту реальность и даёт её понять ли, принять, ещё что-то сделать.

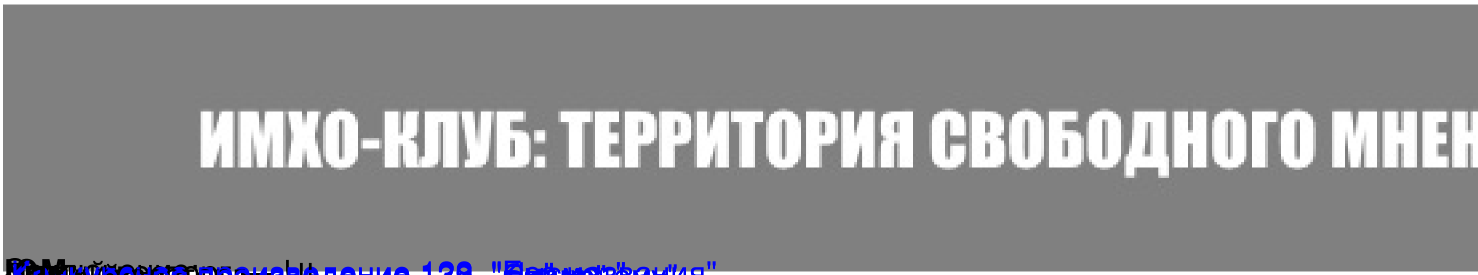
Но рассказано без жалостливости или разухабистости, от реальности отсоединено, возможно у нас с текстом просто не случилось химии.

Вопрос от Доктора:

Не слишком ли бодренький ритм?

Петра Калугина и Юлия Малыгина. "Диалоги обозревателей". Встреча седьмая

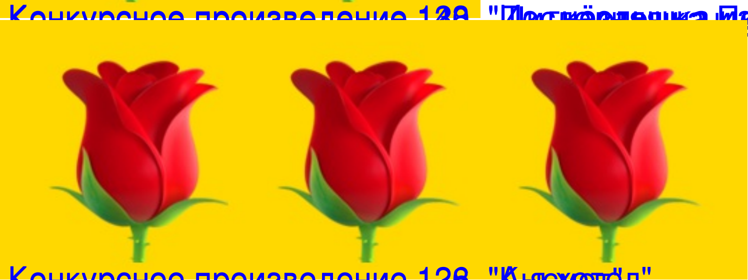
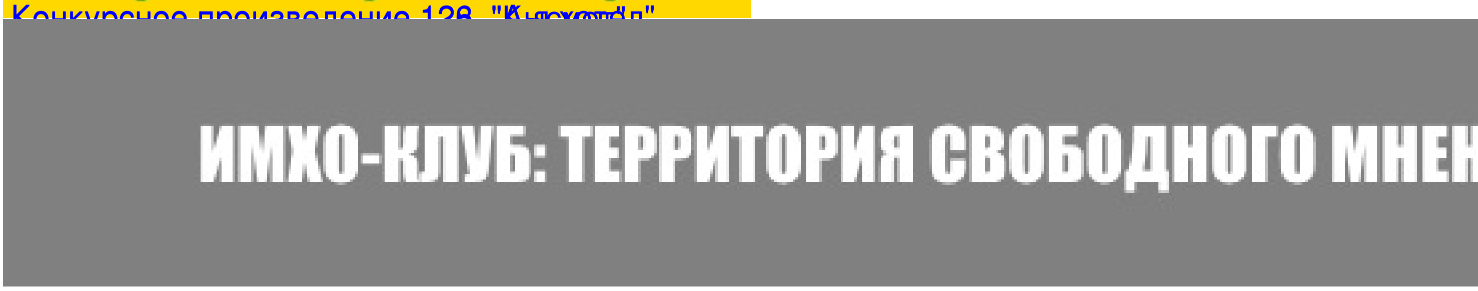
Автор: Субъектив
21.10.2020 14:00



Конкурсное произведение 13[illegible]. "[illegible]"

Конкурсное произведение 131. "Облачный дракон"

Конкурсное произведение 12[illegible]. "[illegible]ского тепла"



Конкурсное произведение 12[illegible]. "[illegible]"